

Р.-М. РИЛЬКЕ У ТОЛСТОГО

Сообщение Э. Зайденшнур

Райнер-Мариа Рильке (Rainer-Maria Rilke, 1875—1926) — крупный немецкий поэт-лирик. Впервые Рильке был в России весной 1899 г. Он приехал вместе с писательницей Лу Андреас-Саломе (Lou Andreas-Salomé) и ее мужем, профессором-востоковедом Ф. Андреас (F.-C. Andreas). Готовясь к этой поездке, Рильке писал 22 апреля 1899 г. из Шмаргендорфа Фриде фон-Бюлов: «Теперь все наше время и мысли заняты приготовлением к России: хлопоты о паспортах, изучение бедкера и последние хлопоты в городе. Несмотря на то, что путешествие уже давно было намечено, все же последние дни коротки, как это полагается. 24 часа мы будем отдыхать в Варшаве, а в Москве и Петербурге используем сбереженные для осмотра силы. Для обоих городов я запасся рядом рекомендаций: в Москве — к современным художникам, в Петербурге — кроме того, к одному издателю и инспектору императорского театра. Возможно, что мы будем и у Льва Толстого»¹.

В апреле Рильке был у Толстого в Москве. Посещение это произвело на него большое впечатление. 7/19 мая 1899 г. Рильке писал из Петербурга доктору Гюго Салюсу (Hugo Salus): «Три недели, как я в России, но мне так приятно и хорошо, будто я здесь уже три года. Москва была первой целью. На пасху первая радость. Толстой, которого я посетил, — первый человек в новой стране, и трогательнейший человек, истинно русский [ewigè Russè]».

По возвращении в Германию Р.-М. Рильке писал Толстому 8 сентября 1899 г. из Мейнингена²:

Глубокоуважаемый граф, уже в тот знаменательный вечер в Москве, когда мы трое, госпожа Лу Андреас-Саломе, доктор Ф. Андреас и я, были одарены глубочайшим впечатлением вашей личности, объединившим нас в глубоком чувстве, у нас явилось желание вновь побывать у вас, посредством какой-либо книги, чтобы подольше сохранить ту близость, которая так просто и прекрасно была создана вашей добротой.

Вы интересовались тогда бабидами³, глубокоуважаемый граф. Поэтому мы посылаем вам тогда только упомянутую брошюру о них; госпожа Лу Андреас-Саломе приложила свою последнюю книгу, а я — маленькую книжку, вылившуюся из моих смутных чувств, привязывающих меня к моей славянской родине, к Праге⁴.

Итак, мы еще раз входим к вам, глубокоуважаемый граф, втроем и в то же время поодиночке, а ваша любезная доброта не должна распространяться на наши тихие, терпеливые книги с такой же готовностью, как в тот поздний визит трех иностранцев, соединенных огромным и искренним уважением к вам, в чем мы вас вновь заверяем.

Райнер-Мариа Рильке

Толстому были присланы три книги, о которых упоминает Рильке в своем письме: Andreas F., Babi's in Persien, ihre Geschichte und Lehre. Leipzig, Verlag der Akademischen Buchhandlung (W. Faber), 1896; Andreas-Salomé Lou Menschenkinder. Novellencyklus. Stuttgart, J. S. Cottasche Buchhandlung, Nachfolger, 1899; Rilke Rainer-Maria, Zwei Prager Geschichten. Stuttgart, Verlag von A. Bonz u. Co, 1899 (экземпляр этой книги, хранящийся в яснополянской библиотеке, разрезан до 98-й страницы).

Толстой ответил Рильке 13/25 сентября 1899 г. (перевод с французского):

Милостивый государь,

Я получил посылку с книгами: госпожи Лу Андреас-Саломе, книгой о бабидах и вашей. Я еще не имел времени прочесть всего; прочел только первые три рассказа госпожи Лу Андреас, которые мне очень понравились. Не замедлю прочесть и другие. Благодарю вас за книги и за ваше письмо. Я с удовольствием вспоминаю о приятном и интересном разговоре, который имел с вами и вашими друзьями, когда вы были у меня в Москве.

Примите, милостивый государь, уверение в моем искреннем расположении.

Лев Толстой⁵

С 22 ноября по 6 декабря этого же года Толстой был болен острым припадком печени. Общество было встревожено болезнью Толстого, и в газетах печатались сообщения о состоянии его здоровья. Многие обращались непосредственно в Ясную Поляну с запросами, с пожеланиями скорейшего выздоровления. И Рильке, поздравляя Толстого с Новым годом, писал ему в конце декабря из Шмаргендорфа:

Глубокоуважаемый граф, все это время мы принимали участие в ваших страданиях, и теперь к концу года мы приходим с желанием вам выздоровления. Бог, ваше собственное желание и желания тех, которым вы нужны и которые вас любят, принесут вам полное выздоровление.

С глубочайшим уважением

Райнер-Мария Рильке

В конверт вложены визитные карточки Рильке, Лу Андреас-Саломе и Ф. Андреса.

Первая поездка по России произвела на Рильке сильное впечатление. 5 февраля 1900 г. он писал художнику Л. О. Пастернаку: «Я должен вам, во-первых, рассказать, что Россия, как я и предсказывал вам, не была для меня случайным событием, что я с августа прошлого года почти исключительно занят изучением русской истории, искусства, культуры и вашего красивого, несравненного языка. Хотя я еще не могу говорить, но читаю почти без труда ваших великих, ваших таких великих поэтов! Я понимаю также большую часть из того, что говорят. И что за радость читать в оригинале стихи Лермонтова или прозу Толстого. Как наслаждаюсь я этим! Ближайший результат этого изучения тот, что я необычайно тоскую по Москве, и если ничего особенного не произойдет, то 1 апреля русского стиля буду у вас, чтобы на этот раз дольше, уже как посвященный и знающий, пожить в вашем обществе».

Действительно, в апреле 1900 г. Рильке вновь приехал в Россию и 19 мая опять с супругами Саломе был у Толстого в Ясной Поляне. Об этом втором (и последнем) посещении Толстого он писал С. Н. Шиль под непосредственным впечатлением — на другой день, 20 мая, из Тулы:

«Дорогая Софья Николаевна, приятный час, проведенный с вами, был последним камешком в пестрой мозаике наших московских дней. На следующий день все было окрашено спешностью отъезда, и Москва, как ни мила она нам, поблекла перед ожиданием многого предстоящего. Мы не представляли себе, как близко было радостное исполнение нашего желания. В поезде мы встретили профессора Пастернака, ехавшего в Одессу. Когда мы рассказали ему о нашей нерешительности — попытаться ли теперь повидать Толстого, он сообщил нам, что в поезде должен быть близкий знакомый семьи Толстых, господин Буланже, который, вероятно, осведомлен о местопребывании Толстого в настоящее время. Господин Буланже, действительно, дал нам любезный совет. Мы решили остаться в Туле, на следующее утро поехать в Лазарево и оттуда на лошадях — в имение Оболенского, Пирогово, где, как думал Буланже, по всей вероятности, еще находится граф⁶. Два дня тому назад Буланже проводил графиню в Ясную Поляну, и очень возможно, что граф в ближайшие дни тоже вернется в

Ясную. Поэтому Буланже дал графине телеграмму с запросом, где граф будет в пятницу. Телеграфный ответ должен был прийти в Тулу, в нашу гостиницу. Напрасно мы прождали его, и вчера утром, как было условлено, поехали в Лазарево. Там станционный служащий сообщил нам, что вчера граф проводил Татьяну Львовну на поезд и затем уехал с вещами в Козловку. Теперь все для нас зависело от того, чтобы возможно скорее (с товарным поездом) добраться до места, откуда можно попасть в Ясную.

Мы поехали обратно в Ясенки, наняли там экипаж и мчались с запыхавшимися колокольчиками до края холма, на котором стоят бедные избы Ясной, объединенные в одну деревню, но разбросанные, как стадо, печально стоящие на истощенном пастбище. Лишь группы женщин и детей являются яркими солнечными пятнами на ровной серости, покрывающей землю, крыши и стены, как будто все поросло пыльным, веками не тронутым мхом. Затем спускается тянущаяся по пустынным местам улица, и ее серая полоса плавно вливается в зеленую, с колеблющимися верхушками, долину, в которой слева две круглые, покрытые зелеными куполами башенки указывают вход в старый одичавший парк, скрывающий простой дом Ясной Поляны. У этих ворот мы вышли и робко, как богомольцы, поднялись по тихой лесной дорожке до все отчетливее и белее выступающего дома. Слуга понес наши карточки. Через некоторое время мы увидели за дверью, в сумрачной передней, фигуру графа. Старший сын открыл стеклянную дверь, и мы очутились в прихожей, перед графом, стариком, к которому обычно приходят, как сын к отцу, даже и тогда, когда не хотят оставаться под силой его отеческого влияния. Он, казалось, сделался ниже, более сторбленным, белее, а его светлый, ясный взор, как бы независимо от дряхлого тела, выжидает незнакомцев, намеренно испытывает их и благословляет каким-то невыразимым благословением.

Граф тотчас же узнал госпожу Лу и сердечно приветствовал ее. Он извинился, что занят, и обещал быть с нами после двух часов. Мы остались в большом зале в обществе его сына. С ним мы бродили по большому дикому парку и через два часа вернулись домой. Там, в прихожей, графиня была занята расстановкой книг. Неохотно и негостеприимно обернулась она к нам на один миг и коротко сообщила, что граф нездоров. Счастье, что могли сказать: «Мы его уже видели». Это несколько обезоружило графиню, но все же она не прошла с нами, раскидала в передней книги и сказала кому-то сердитым голосом: «Мы только-что приехали!..». Затем, пока мы ждали в маленькой комнате, вошла еще одна молодая дама, слышны были голоса, сильный плач, успокаивающие слова старого графа, который затем вошел к нам взволнованный, рассеянно задал нам несколько вопросов и снова оставил нас. Можете себе представить, как мы растерялись, почувствовав, что попали в неудачный момент. Но некоторое время спустя граф опять вошел, на этот раз полностью принадлежа нам и внимательно оглядывая нас своими большими глазами. Представьте, Софья Николаевна, он предложил нам прогулку в парке. Вместо еды за общим столом, что мы могли предполагать в лучшем случае и чего боялись, он дал нам возможность провести время с ним одним, среди прекрасной природы той местности, по которой он проносил тяжелые мысли своей великой жизни. Он не принимал участия в общей еде, так как два дня уже опять нездоров, ничего не ест, пьет кофе. Итак, это был тот час, который он легко мог отнять от других, чтобы преподнести нам, как неожиданный подарок. Мы шли медленно по длинной, густо заросшей дорожке, вели интересный разговор, которому, как и в прошлый раз, граф придавал теплоту и живость. Он говорил по-русски, и, если ветер не заглушал слов, я понимал каждый слог. Он держал левую руку за поясом шерстяной куртки, а правая покоилась на ручке палки, на которую он слегка опирался. Время от времени он наклонялся и таким движением, как будто ему хотелось сорвать цветок вместе с исходящим из него ароматом, срывал его, выдыхал аромат и потом, во время разговора, небрежно ронял опустошенный цветок. Изобилие буйной весны от этого не нарушалось. Разговор идет о многих вещах. Но слова не скользят по поверхности, они проникают в глубь вещей, в темноту. И глубокое значение каждой вещи не в ее видимой окраске, а в сознании, что она появилась из мрака, из таинственного, откуда пришли мы все. И всякий раз, когда в разговор вры-

ваются нсты чего-то необычного, тогда где-то на светлом фоне рождается перспектива глубокого единомыслия.

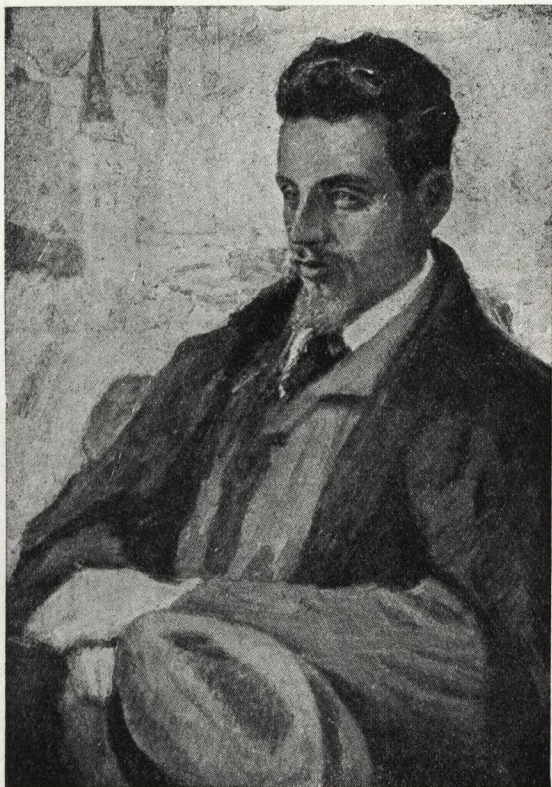
Так прошла прогулка, хорошая прогулка. Иногда в ветре фигура графа вырастала, большая борода развевалась, но серьезное, отмеченное одиночеством лицо оставалось спокойным, как бы не тронутым бурей. Вскоре по возвращении домой мы с чувством детской благодарности простились с Толстым, обогатенные дарами его существа. Мы не могли бы никого другого больше видеть в этот день».

На Толстого ни знакомство, ни вторая встреча не произвели, видимо, большого впечатления. В его дневнике нет никаких упоминаний о Рильке, а об его приезде в Ясную Поляну Толстой лишь мельком упомянул в письме к дочери, Марии Львовне Оболенской, написанном 20 мая, на следующий день после посещения Рильке: он только отметил, что были посетители, даже не назвав их имен.

Рильке же еще долго оставался под впечатлением этих встреч. 13 сентября того же 1900 г., по поводу новых тревожных известий о болезни Толстого, Рильке записывает в своем дневнике (повидимому, черновик письма к Лу Андреас-Саломе): «Ты пишешь мне, что Толстой очень тяжело заболел в Ясной Поляне. Может быть, мы уже простились с ним. Как теперь вижу перед собой каждый миг того дня». Далее следует воспоминание о поездке к Толстому в Ясную Поляну, почти дословно совпадающее с описанием ее в приведенном письме к С. Н. Шиль, дополненное лишь некоторыми подробностями.

Воспоминание доведено до того момента, когда Толстой вышел к ним взволнованный, задал несколько вопросов и опять ушел: «Шаги на лестнице, все двери в движении, и входит граф. Холодно и учтиво он о чем-то спросил тебя, но он не замечал нас, он только взглянул на меня и спросил: «Чем вы занимаетесь?». Я, кажется, ответил: «Я кое-что написал...». На этом запись дневника обрывается.

Приведенные документы исчерпывают вопрос о встречах Рильке с Толстым.

Р.-М. РИЛЬКЕ

Портрет маслом Л. О. Пастернака,
1931 г.

Местонахождение оригинала
неизвестно

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приведенные здесь письма Рильке к Фриде фон-Бюлов, доктору Гюго Салюсу, Л. О. Пастернаку и С. Н. Шиль взяты из книги: *Rilke Rainer-Maria, Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit 1899 bis 1902*. Herausgegeben von Ruth Sieber-Rilke und Carl Sieber. Insel Verlag zu Leipzig, 1933. Перевод с немецкого Э. Зайденшнур. В России публикуются впервые.

² Это и следующие письма Рильке к Толстому хранятся в архиве Толстого в рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. Публикуются впервые.

³ Бабизм — магометанская секта, основанная в Персии в 1844 г. Мирзой-Али-Махамедом, назвавшим себя Бабом.

⁴ Рильке — чех по происхождению. Родился и первоначальное образование получил в Праге.

⁵ Подлинник письма Толстого находится в архиве Рильке в Германии. Печатается по копии, полученной через Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Опубликовано в т. LXXII академического издания Полного собрания сочинений Толстого, М., 1933, стр. 569.

⁶ С 3 по 18 мая Толстой гостил у своей дочери Марии Львовны Оболенской, в имении Пирогово.